

ПЕРСПЕКТИВЫ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Суннатилло Азимхон угли Хамзахонов

Исломбек Кудратович Сабурызов

Сардорбек Сарварбекович Тухтамурадов

Студенты Ташкентского государственного юридического университета

Фарход Маратович Фазилов

Научный руководитель, и.о. доцент Ташкентского государственного
юридического университета

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены актуальные проблемы принципов уголовного права Республики Узбекистан. Раскрывается смысл и приводится анализ принципа Законности Уголовного закона и предложения по реформированию данного принципа. Статья посвящена комплексному исследованию принципа законного уголовного права на основании научных трудов ученых.

Ключевые слова: уголовное право, Республика Узбекистан, принципы уголовного права, законность, Конституция ФРГ, доктрина права, Конституционный суд.

PROSPECTS FOR IMPROVING THE PRINCIPLES OF CRIMINAL LAW IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

ABSTRACT

The article deals with the actual problems of the principles of criminal law of the Republic of Uzbekistan. The meaning and analysis of the principle of Legality of the Criminal Law and proposals for reforming this principle are revealed. The article is devoted to a comprehensive study of the principle of legitimate criminal law on the basis of scientific works of scientists.

Keywords: criminal law, Republic of Uzbekistan, principles of criminal law, legality, Constitution of Germany, doctrine of law, Constitutional Court.

ВВЕДЕНИЕ

Колоссальные реформы в Республике Узбекистан, имевшие место в Новейшей истории нашей страны, а также утвержденная Стратегия Развития Нового Узбекистана на 2022-2026 году, обозначившая путь продолжения реформирования многих структур общества, ставит перед наукой необходимость не только в своевременном отклике на происходящее, но также и разработку новых для нашего общества и государства концепций и взглядов. Уголовный Кодекс Республики Узбекистан на протяжении всего своего существования не раз подвергался изменениям и поправкам. Принятие на всем постсоветском пространстве первого Уголовного Кодекса, включавшего в себя кардинально новые для наших граждан идеи и понятия, на своем нынешнем этапе истории требует обновления. Находящаяся на редакционной фазе новый Уголовный Кодекс Республики Узбекистан, по нашему мнению, также должен вбирать в себя доказанные на эмпирическом уровне действующие на территории многих развитых государств институты уголовного права. Как и полагается, следует начать с фундамента главного и единственного Уголовного Закона страны – принципов Уголовного Кодекса Республики Узбекистан. Данная статья будет посвящена внедрению и реформирования содержимых в Уголовном Законодательстве Республики Узбекистан принципов Уголовного Кодекса, коими являются принцип правозаконности и принцип необходимости.

ЛИТЕРАТУРА И МЕТОДОЛОГИЯ

Закрепленные в действующем Законе 7 принципов Уголовного кодекса – принцип законности, равенства граждан перед законом, гуманизма, демократизма, справедливости, виновной ответственности и неотвратимости ответственности – проистекали из общеправовых принципов уголовного права, сложившихся к моменту обретения Республикой Узбекистан Независимости. Утверждать, что доктрина уголовного права не претерпела изменений с того момента – являлось бы большой ошибкой. Ибо общепризнанным фактом является факт о динамичности права, являющаяся следствием развития социальных отношений. Следовательно, не является гарантированным также и соответствие принимаемых Законодательным или иным органом, правомочным на издание норм, имеющих юридическую силу, соответствующих доктрине права Нормативно-правовых актов. По этому поводу, отец философии права Георг Гегель утверждает: «содержание права может быть искажено в процессе законодательства; не

все, данное в форме закона, есть право, поскольку лишь закономерное в положительном праве законно и правомерно»[1]. Восприятие отечественной наукой понятия правления, или как ее иначе называют верховенства права, требует модификации. Идея верховенства права, по сути является составной частью понятия правового государства, которой в перспективе добивается стать и наша страна. Многие величайшие философы и правоведы эпохи Просвещения посвящали целые научные труды вопросам концепции правозаконности. В их числе великий немецкий философ Иммануил Кант, по сути и заложивший основы концепции “Rechtsstaat”, позже популяризованную его последователем Робертом фон Модем, а также такие философы как Георг Гегель, К.Т. Валькер, М. Оукшотом, Ф. Хайеком, А. Дайси.

Именно Кант, впервые в научной мысли определил современное толкование жизненной важности единства права и закона, в дефиниции «правовой закон» как репликация сущего и должного правовой системе государства. В своих исследованиях о праве, освещенной во второй части «Метафизики нравов», Кант аксиоматизирует: «Государство - это объединение множества людей, подчиненных правовым законам. Поскольку эти законы необходимы как априорные законы, т.е. как законы, сами собой вытекающие из понятий внешнего права вообще (а не как законы статуарные), форма государства есть форма государства вообще, т.е. государства в идее, такого, каким оно должно быть в соответствии с чистыми принципами права, причем идея эта служит путеводной нитью (norma) для любого действительного объединения в общность (следовательно, во внутреннем)»[2]. В данном контексте, понятие «правового закона» выступает тем явлением, признакам и особенностям которого должны соответствовать все без исключения, принимаемые в государстве позитивные нормы. В свете вышесказанного возникает разумный вопрос о границах взаимоотношений личности и закона.

Исследователями в области философии права и общей теории права было принято обозначать науку, исследующую вопросы о взаимоотношениях личности и законности наукой, именуемой сегодня «антропномией права». В частности, в качестве толкования данной области изучения права, профессор Акопов Л.В., пишет: «...Предложенное понятие «антропномии права» подразумевает системную связь человека (личности) и нормы (закона) в их правовом выражении и тем самым «схватывает» в дефинициях самую суть проблемы правозаконности»[3]. Впервые упомянутая Нобелевским лауреатом Робертом фон

Хайеком «Антропономия права» стала новой вехой в области юридической мысли. Его фундаментальный труд «По пути Крепостного права» оказало исключительное влияние на развитие послевоенной Германии. Остановившись на вопросе о правозаконности, Р. фон Хайек приводит следующие слова: «Когда мы говорим, что в планируемом обществе нет места правозаконности, это не означает, что там отсутствуют законы или что действия правительства нелегальны. Закон может (а в условиях централизованного управления экономикой должен) санкционировать произвол. Если законодательно установлено, что такой-то орган может действовать по своему усмотрению, то, какими бы ни были действия этого органа, они являются законными. Но не правозаконными. Наделяя правительство неограниченной властью, можно узаконить любой режим. Поэтому демократия способна привести к установлению самой жестокой диктатуры»[4]. Подводя к итогу свою аргументацию, фон Хайек указывает на критерии, в соответствии с которыми принципы правозаконности предъявляют определенные требования в отношении самих законов, не упуская из виду общие правила формального права и элиминируя законы, изначально принимаемые для на конкретных групп людей или допускающие эксплуатацию для такой дискриминации государственный аппарат. Из его слов проистекает, что государственное право (позитивное) создается вовсе не для того, чтобы привести в единую регламентацию абсолютно все существующие в жизни общества социальные отношения, наоборот, государство принимая юридические акты, имеющие силу нормативного акта, должны следовать ограничению власти и произвола в отношении индивидов. Образно говоря, из логики многих противников естественно-правового учения, категорически отказывающихся в принятии основ априорного, то есть естественного права, проистекает, что действия, происходившие на территории нацистской Германии или периода репрессий Советского союза, геноцида Красных Кхемеров или загон в резервации коренного населения Американского континента следует признать также правовым, ибо оно проистекает из принятых на то время нормативных актов преступных правительств.

Верно подчеркиваемый профессором Нерсеянцем возраждение естественного права в Германии, по окончании Второй Мировой Войны, явилось началом также и возраждения и усиления антипозитивистских взглядов на право во всей Европе. Продолжая мысли фон Хайека, профессор Владик

Сумбатович Нерсисянц, пишет: «В этом новом контексте традиционная модель противопоставления естественного права (как объективного, нравственного и разумного по своей природе «настоящего права») праву позитивному (как субъективно-властному установлению) с требованием соответствия второго первому наполнялась новым содержанием и стала широко использоваться в качестве исходной правовой основы для критического анализа антиправовой идеологии и практики тоталитаризма и присущего ему правонарушающего законодательства»[5]. Естественно, что большинство сторонников естественно-правовой концепции, в частности сторонники аксиологического понимания естественного права, подчеркивают необходимость соответствия санкционируемого права государством праву натуральному. Prestиж позитивного права напрямую зависит от «его справедливости, или, по крайней мере, от его способности обеспечить справедливость»[6].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Следовательно, в качестве основного аксиологического индикатора, так называемой «правильности» законов, следует назвать такое явление как справедливость. В подобной корреляции, считаем важным толкования того, что является справедливым. На сегодняшний день существует большое количество дефиниций одному из самых разнообразно истолкуемых социальных институтов, как институт справедливости. Однако наиболее приемлимым считаем понимание справедливости, выдвинутой либеральными утилитаристами, в частности, такими выдающимися философами как И. Бентам, Дж. Милль и Г. Сиджвика. В основе справедливости лежит понятие общей пользы, иначе обозначаемой как общего блага. «Польза венчает собой триаду основных моральных принципов классического утилитаризма: польза, счастье и гедонизм (удовольствия). Максимизация пользы выступает как главный принцип, счастье есть содержание и смысл полезности, счастье, в свою очередь, понимается, главным образом, как удовольствие» [7]. Таким образом, целесообразно считать справедливым то, что несет в себе общественную пользу большую в размерах и объемах чем вред и страдания.

Так, достигнув своего апогея в период реставрации общественных отношений в послевоенной Германии, концепция правозаконности получает впервые свое законодательное закрепление в главном источнике права Германии – Конституции ФРГ. Свое

отражение она нашла в частях 3 и 4 так называемой «Боннской Конституции» ФРГ, устанавливавшей, что :

1. Законодательство связано конституционным строем, исполнительная власть и правосудие - *правом и законом*;

2. Если иной выход невозможен, все немцы *имеют право на сопротивление любому*, кто предпринимает попытку устранить этот строй.

Из вышеуказанного проистекает, что Конституция ФРГ напрямую разграничивает понятие права и закона, являющаяся, по сути, новшеством для того времени. При этом существуют реально действенные на практике механизмы сдержек принятия антиконституционных и неправовых актов органами государственной власти, сдерживаемые Конституционным судом ФРГ, который наделен на то Основным Законом Германии. Совсем иначе обстоят дела в государствах с континентальной правовой системой. Так, например, как подчеркивает профессор Диков: «Классическая "континентальная" теория законности выдвигает на первый план законодательную власть, а судебной отводит вторую роль. Более того, "в ряде случаев из самой идеи разделения властей делается вывод о невозможности судебного контроля над администрацией»[8]. В качестве примера к словам профессора следует привести статью 13 Закона Франции от 16 августа 1790 года о запрете на вмешательство под страхом взыскания штрафа в деятельность администрации со стороны судов. По этому случаю нельзя не согласиться со словами венгерского юриста А. Шайо: «согласно новой тенденции, появившейся главным образом после Второй мировой войны, суды уже не довольствуются своей традиционной ролью, применением законов. Судьи конституционных судов, порвав со взглядами Монтескье, который называл судей устами закона и считал их уровень ниже уровня законодательных органов, ныне уже не просто занимаются правотворчеством (что, кстати, они по-прежнему отрицают), но и оказывают существенное влияние на направление законодательства и эффективность Конституции»[9].

На сегодняшний день, исходя из общего курса истории, мы можем обозначить, что наделение законодательной власти прерогативой в издании любых Нормативно-правовых актов в определенных случаях являлось не только вредной, но и губительной. В таких случаях имеет место для опасений о защите прав человека и общества от произвола власти. Единственным решением на пути предотвращения принятия «неправовых законов» считаем усиление роли судебной

власти, посредством выдвижения на законодательном уровне концепции правозаконности в Уголовном Кодексе нашей страны, а также в таких актах как Закон Республики Узбекистан «о судах», Конституционный Закон Республики Узбекистан « О конституционном суде Республики Узбекистан», которое по сути будет наделять властью профессиональных судей-юристов, обладающих знаниями в области юриспруденции и ее философии, препятствовать принятию нормативных актов законодательной властью, не всегда состоящей из лиц, ведающих необходимыми знаниями о праве, хоть и прибегающих ассистенций в этой сфере.

Главной заслугой данного принципа является то, что оно наделяет по сути любого лица правом на оспаривание на соответствие принимаемых законодательным или иным органом нормативных актов с общепринятыми аксиологическими основами права. Конструкция правовой законности отражает и приводит в действие механизм по защите общепринятых в международном праве (например, во Всеобщей Декларации Прав Человека от 1.12.1948 г.) минимальных стандартов к правам человека. Целесообразно полагать, что принятие столь прогрессивных, хоть и не новых, идей, будет способствовать росту авторитета нашей страны не только в глазах наших граждан, но также и на международной арене в сфере защиты прав человека.

Рассмотрев поставленный нами первый вопрос, мы можем плавно переходить к рассмотрению нашего второго предложения. Согласно общей доктрине теории права, существуют определенные техники оформления законных и подзаконных актов, называемой законодательной техникой. Основные положения Законодательной техники в Республике Узбекистан изложены в таких актах как Закон Республики Узбекистан «О нормативно-правовых актах», а также в Законе Республики Узбекистан « О порядке подготовки проектов Законов и их внесения в Законодательную Палату Олий Мажлиса», а также приказ Министра Юстиции Республики Узбекистан «Об утверждении правил подготовки и принятии ведомственных нормативно-правовых актов». Так, например, последний нами упомянутый приказ, как и все остальные вышеназванные законы, предъявляет требование, согласно которому: «Структура ведомственного нормативно-правового акта должна обеспечивать последовательное (логическое) развитие предмета правового регулирования, а также единообразное понимание и применение будущего акта». Также, часть 5 статьи 19 Закона Республики Узбекистан « О порядке подготовки проектов

Законов и их внесения в Законодательную Палату Олий Мажлиса» устанавливает, что : разделы, подразделы, главы, параграфы, статьи, а также части, пункты и подпункты статей располагаются в последовательности, обеспечивающей логическое развитие темы проектах[10]. Уголовный Кодекс Республики Узбекистан как в подготавливаемой, так и в ныне действующей редакции содержит в главах посвященных общим принципам одну ошибку, противоречащей закрепленным в вышеуказанных нормативно-правовых актах норму. В частности, первая часть статьи 11 проекта Уголовного Кодекса содержит в себе следующую норму: «Каждое лицо, деянии которого прослеживается состав уголовного преступление, подлежит уголовной ответственности, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом». Но при этом, норма-принцип не содержит в себе обоснований того, почему должны существовать исключения, что может являться причиной для не привлечения лица к уголовной ответственности.

На этот насущный вопрос доктрина уголовного права довольно давно предложила свое решение. Данное решение проявляется в принципе необходимости. Принцип необходимости подразумевает собой привлечение лица к уголовной ответственности только в тех случаях, когда на то есть необходимость, при этом если по стечению обстоятельств характер совершенного преступления утрачивает свою общественную опасность или произошла реабилитация общественных отношений к их первоначальному, допреступному состоянию, то логически происходит автоматический отпад в необходимости привлечения лица к уголовной ответственности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя все вышеизложенное, считаем важным пересмотр устоявшихся принципов уголовного законодательства нашей страны. Особо важно стоит акцентировать внимание на устарелость понятия «законности», которая выражается в отсутствии полноты аспектов соответствия законов и подзаконных актов общим принципам права. Кроме того, введения нового для нашего законодательства, предложенного наукой довольно давно, принципа необходимости логически обоснует необходимость привлечения лица к уголовной ответственности, или напротив, изъяснит отсутствие целесообразности привлечения лица к ответственности.

REFERENCES

1. «История политических и правовых учений» - Под общей редакцией академика РАН, доктора юридических наук, профессора В. С. Нерсесянца, Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА–ИНФРА•М) Москва • 2000
2. Кант И. Критика практического разума. СПб., 1995. С. 354
3. Акопов Л.В. «Принцип правозаконности в государственном строительстве» - 2016 г., издательство Норма, г. Москва
4. Хайек Ф.А. фон. Дорога к рабству / Пер. с англ. М.: Экономика, 1992. С. 69.
5. Нерсесянц В.С. Философия права. М., 1997. С. 607
6. «Natural Law and Natural Rights». Finnis J.M – Oxford, 1980. – P.206
7. Frey, R. Introduction: Utilitarianism and Persons // Utility and Rights / Ed. by R.G.Frey. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984. P. 15–20.
8. Диков Г.В. Проблемы создания системы административной юстиции в России (в свете зарубежного опыта) // Государство и право. - 2001. -N5. -С31.
9. Шайо А. Самоограничение государственной власти (краткий курс конституционализма): Пер. с венгр. - М.: Юрисгь, 2001. - С.101.
10. Lex.uz

